

УДК:39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/157-169

Научная статья

© С. В. Генералова, Н. Л. Пушкарева

МУЗЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО АНТРОПОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЭЛИТЫ 1920–1930-Х ГГ.*

*Изучение материальных артефактов музейных коллекций с целью выявления типики в структурах повседневности определенного социального слоя долго не касалось узкой прослойки партийной элиты, сформировавшейся после победы большевиков в 1917 г. Статья восполняет этот пробел. Введя в оборот материалы фондов мемориального музея «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле» (ныне хранящихся в музее-заповеднике «Горки Ленинские» в Подмосковье), авторы реконструируют быт, привычки и стиль жизни женщин, окружавших лидера партии и государства в первые годы советской власти. Анализ поведенческих практик, особенности их функционирования, вкусовые предпочтения Н. К. Крупской, М. И. Ульяновой и их сподвижниц, позволили прийти к выводу о слабом отрыве их поведенческих модусов от *modus vivendi* социального слоя их происхождения, несмотря на все заявления о строительстве основ «нового быта».*

Ключевые слова: материальная культура, повседневность, женская история, антропология гендера, большевистская элита, музейный артефакт

Ссылка при цитировании: Генералова С. В., Пушкарева Н. Л. Музейная коллекция как источник по антропологии повседневности представительниц большевистской элиты 1920–1930-х гг. // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 157–169.

Генералова Светлана Владимировна — аспирант Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: generalova_s69@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6021-6688>

Пушкарева Наталья Львовна — д. и. н., руководитель Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: pushkarev@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

*Статья подготовлена по плану НИР ИЭА РАН (тема № 8).

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/157-169

Original Article

© *Svetlana Generalova and Natalia Pushkareva*

MUSEUM COLLECTION AS A SOURCE OF KNOWLEDGE ON THE ANTHROPOLOGY OF EVERYDAY LIFE OF THE FEMALE BOLSHEVIK ELITE IN THE 1920–1930S.

The study of material artifacts in museum collections in order to identify typical patterns in the everyday life of a certain social stratum, until recently, did not concern the narrow stratum of the party elite that formed after the victory of the Bolsheviks in 1917. The article aims to fill this gap. Analyzing artifacts from the funds of the memorial museum „The office and apartment of V. I. Lenin in the Kremlin“ (now stored in the Leninsky Gorki Museum in the Moscow region), the authors reconstruct the life, habits and lifestyle of women who surrounded the leader of the party and the state in the first years of Soviet power. The analysis of behavioral practices, their functioning, the taste preferences of N. K. Krupskaya, M. I. Ulyanova and their associates, led to the conclusion that their behavioral modes are weakly separated from the modus vivendi of the social stratum of their origin, despite all the statements about the construction of „the new life“.

Keywords: *material culture, everyday life, women's history, anthropology of gender, Bolshevik elite, museum artifact*

Authors Info: **Generalova, Svetlana V.** — Ph.D. Student, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: generalova_s69@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6021-6688>

Pushkareva, Natalia L. — Doctor of History, Professor, Head of the Department for Gender Studies, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: pushkarev@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

For Citation: Generalova, S. V. and N. L. Pushkareva. 2023. Museum Collection as a Source of Knowledge on the Anthropology of Everyday Life of the Female Bolshevik Elite in the 1920–1930s. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 157–169.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Антропология повседневности ставит перед исследователем задачу сопоставления социальных институтов, формировавших «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» (Бергер, Лукман 1995: 38). Эта задача диктует необходимость исследования образа жизни представителей разных социальных слоев, их бытовых практик, анализ их аксиосферы и особенностей связанного с нею социального поведения.

Одной из наименее изученных и в нашей, но и в зарубежной историографии социальных групп — именно в бытовом, этнографическом аспекте — все еще остается российская большевистская элита. Гендерный аспект такого исследования вообще

никогда и никем не исследовался, хотя всем известно, что рядом с выдающимися деятелями партии и раннего советского государства на политическом Олимпе мелькали фамилии и «преданных революционному делу большевичек» — И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай, К. Цеткин, Л. М. Рейснер, К. Н. Самойловой, но, конечно, в первую очередь супруги вождя партии Н. К. Крупской и его сестры М. И. Ульяновой.

Что определяло их быт? Некие идеологемы, усвоенные ими в долгих партийных спорах, быстро складывавшиеся новые институты, структурировавшие каждый их шаг, или же возникшие вопреки или благодаря этим институтам формальные и неформальные практики, регулировавшие повседневные взаимодействия? Это предстоит выяснить в рамках общей темы (антропология повседневной жизни большевистской элиты), которую помогают раскрыть источники разных типов и видов, в том числе наименее в такой теме изученные — материальные артефакты. Музейные собрания разных городов имеют в своем распоряжении отдельные личные вещи участниц революционного движения. Большой комплекс хранится с 1920-х гг. в фондах Центрального Музея Ленина (ЦМЛ). Музей-заповедник «Горки Ленинские» в прошлом был его филиалом, а сегодня это самостоятельное учреждение, находящееся в 15 км от столицы. В его фондах свыше 64 тыс. единиц хранения, в том числе около 40 тыс. артефактов, связанных с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой, входивших в самый ближний круг идеолога великого большевистского эксперимента В. И. Ленина.

Через эту «овеществленную историю» аналитику легче понять человека и его поступки, применяя приемы эмпатии и включенного наблюдения, поставив, во-первых, вопрос о степени автономии женских повседневных жизней по отношению к официально заявлявшемуся идеологами того времени курсу на бытовой аскетизм (или, напротив, на их соответствие ему). Во-вторых — попытаться реконструировать естественный ритм и образ жизни этих бывших дворянок в контексте новых постреволюционных реалий — ведь быт приходилось время от времени корректировать в соответствии с изменчивыми обстоятельствами (в частности, за пределами того домашнего мира, который сложился в бывшем здании Сената и бывшей подмосковной усадьбе — оба помещения были переданы в пользование В. И. Ленину и его семье), изучить неформальные домашние практики женской части этой семьи.

Несмотря на высокий интерес к истории повседневности, работ, посвященных быту политической элиты в 1920-е гг. мало. Описаний деталей бытовой жизни большевичек с точными ссылками на воспоминания знавших их близко соратников и соратниц, а тем более анализа сохранившихся в музеях предметов быта, — нет. В советской историографии тема «быт партийца» не ставилась. Детали его в работах 1920-х гг. упоминались вскользь, для подтверждения соответствия отдельных деятелей партии и правительства образам аскетичных героев революции.

Женщины из ближнего круга «главного большевика» — не исключение. Лишь в 1973 г., в серии ЖЗЛ вышла книга о Н. К. Крупской, в которой впервые говорилось о бюджете времени жены вождя («ложилась спать около 11 вечера, вставала рано — в 5–6 часов», «до работы успевала написать статью и ответить на несколько писем»). Из приведенной в том же издании переписки Н. К. Крупской с М. Горьким можно было узнать, что в 1930 г. отпуск она провела в Горках, где все предметы напоминали ей о прошлой жизни («И вот я вижу, как я это рассказала бы Ильичу, и как он был бы рад») (Кунецкая, Маштакова 1973: 241, 308). Новая научная биография Надежды Константиновны, изданная спустя несколько лет, оказалась еще более скупа на бытовые подро-

ности. Ссылок на документы, повествующие о режиме дня и условиях жизни ее семьи в детстве нет, в отношении позднейшего времени — тем более, и лишь сообщается, что муж «противился даже самым кратковременным их разлукам» (*Обичкин* 1988: 166).

Той же непроверяемостью бытовых деталей отличались и биографии сестры Ильича. В книге о М. И. Ульяновой говорилось, что сестру Ленина отличала «удивительная скромность, ленинская чистота и принципиальность», поскольку она «как и все Ульяновы, в быту довольствовалась самым необходимым и не допускала мысли, что может пользоваться привилегиями». Иные эпизоды заставляли вспомнить агиографические описания христианских аскетов: «С одеждой было плохо. Выделили однажды и Марии Ильиничне ордер на котиковую шубку. Вечером она пригласила в кабинет ночного сторожа Олимпиаду Никаноровну и вручила ей свой ордер на шубу, а сама продолжала ходить в старом, поношенном пальто» (*Кунецкая, Маштакова* 1979: 203–204). Описанная тенденция — рассказывать о борьбе и трудовых буднях советских лидеров, восхваляя их скромность в быту, общая для всей советской историографии.

Вместе с перестройкой и появлением интереса к бытовому, новую значимость обрели эго-документы. Впервые в научной литературе было заявлено, что «за единообразием и вездесущностью коммунистической идеологии скрывалась множественность альтернативных ценностей» (*Кобозева* 2006: 21). Интерес к антропологии повседневности вызвал к публикации работы, связанные с традиционными этнографическими аспектами — жилье, питание, предметы быта и одежда, досуг, здоровье. Интерес к частной сфере жизни людей проявился в успешной попытке социокультурного анализа истории нижнего белья в России как пространства приятия и сопротивления идеологическим догмам; автор доказал, что даже в условиях советского однообразия вещи обладали высокой символической ценностью (*Гурова* 2004).

В 2000-е годы в фокусе исследовательского внимания стали оказываться разные социальные группы (женщины, молодежь, рабочие, дети, учителя), появился мощный географический охват (*Журавлев* 2000; *Лебина* 2018; *Смирнова* 2009). Новое исследование о роли домашней прислуги в домах административной элиты послереволюционного времени (а наличие ее было бытовым признаком власти и привилегированного потребления) показало существенные расхождения между декларациями и реальностью послереволюционных лет (*Клоц* 2012: 21). Отмечалась сплетенность «политического и повседневного», позволявшая воспринимать «обыденную жизнь номенклатуры как образец существования, перенимать те практики обыденной жизни, которые приближали по внешним признакам к высокостатусным группам» (*Мохов* 2013: 125–126). Особенно ценными, как выяснилось, могли бы в этом случае быть «живые впечатления» от случившегося в стране огромного социального сдвига, заставившего воспринимать «большевизм на общественно-бытовом уровне... равнозначным нехватке пищи или просто голоду» (*Минаков, Фефелов* 2013: 103–107). Способом приблизиться к пониманию особенностей частной жизни старой большевистской элиты стало изучение внутренней структуры одного жилого дома на ул. Кронверкской в Ленинграде, где на каждого члена семьи полагалось по комнате и жила номенклатура. Авторы легко доказали, что уже к середине 1920-х гг. большевистская элита отказалась от «революционного аскетизма», живя с прислужкой и особым снабжением, бытовыми признаками власти (большая квартира, мебель, замкнутое бытовое пространство, ложное ощущение стабильности) (*Измозик, Лебина* 2010). То же применимо к

«Дому правительства» — особому дому-квартиле в Москве, где получали квартиры комиссары и «старые большевики» (секретарша В. И. Ленина, родственники И. В. Сталина). Недавно впервые появились подсчеты: из 2600 его жильцов 700 были членами правительства, а 10% составляли женщины-персональные пенсионерки (*Слезкин* 2019). Гендерный аспект быта этих домов в двух столицах не рассмотрен, хотя было отмечено существование специальных помещений для домработниц.

Пробел, связанный с обыденностью представительниц раннесоветской номенклатуры, требует восполнения, поскольку ранее постоянно опускался ввиду традиционной закрытости темы быта данной группы, засекреченности многих фондов, агиографического характера советских публикаций. Фонды мемориального музея представляют уникальный материал, давая возможность прочувствовать «стиль и образ жизни» представителей раннесоветской элиты (*Пушкарева* 2005: 93–113). Попутно можно ввести в научный оборот кино- и фотодокументы, коллекции плакатов, предметов декоративно-прикладного искусства, ведь любой музей — это «институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации культурных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение» (БРЭ).

Музей в Горках Ленинских отличен тем, что культурные объекты в нем как раз не изъяты из среды бытования, а сохранены в полном объеме, позволяя оценить функционирование важнейших персональных вещей, связанных с женской частью семьи Ульянова (Ленина) в 1918–1939 гг. (*Кунецкая, Маштакова* 1987: 3). Поначалу все эти вещи оставались в Кремле, там были присвоены инвентарные номера книгам, мебели, засохшим мандаринам, волосам, которые М. И. Ульянова собирала на шиньон (Научный Архив: 1), были пересчитаны все пуговицы, перья, скрепки и кнопки (Книга № 1: №№ 481, 482, 651, 913).

В 1954 г., по данным Комиссии комендатуры Кремля, из 772 личных вещей 21 предмет принадлежал В. И. Ленину, а женской части семьи все остальное: Н. К. Крупской — 141 предмет, М. И. Ульяновой — 197 предметов, А. И. Ульяновой-Елизаровой — 203 предмета. Столовое, постельное белье и другие вещи, которыми пользовались все члены семьи (57 предметов) и еще 43 предмета, не опознанных по назначению, тоже характеризовали «быт, привычки и вкусы семьи Ульяновых» (Научный Архив: 2–9). С 1994 г. это богатство оказалось в Горках Ленинских, где на новом месте и в новых интерьерах был воссоздан облик жилых помещений, которыми пользовалась семья Ульяновых с момента переезда из Петрограда в Москву в марте 1918 г. и до февраля 1939 г.

Ульяновы сначала поселились в гостинице «Националь», затем в Кремле в двухкомнатной квартире в Кавалерском корпусе, и, наконец, в здании судебных установлений им выделили квартиру, в которой раньше жил прокурор судебной палаты. Площадь, занимаемая семьей вождя революции, была около 137 м², далее увеличена до 192 м² (гостиная — 55 м², комната М. И. Ульяновой — 34 м², столовая — 14 м², комната Ильича — 19 м², Н. К. Крупской — 23 м², домработницы — тоже 23 м², кухня — 19 м², ванная-уборная — 5 м²). Врач-офтальмолог, лечивший семью Ульяновых, академик М. И. Авербах называл это помещение «квартиркой», «в которой было ровно столько комнат, сколько нужно было, все просто, чисто, что нужно много работающей семье, живущей исключительно интеллектуальными интересами» (*Кунецкая, Маштакова* 1986: 119).

По словам водителя Ленина С. К. Гиля, *«всё хозяйство вела Мария Ильинична. Она любила порядок и чистоту, умела правильно организовать питание, знала привычки и старалась устроить жизнь брата так, чтобы он ни в чем не ощущал неудобства»* (Гиль 1957: 57). Вероятно, согласование предметов мебели осуществлялось как раз ею, это она одобрила большой письменный стол для кабинета, английские кутанные кресла, венские стулья, шведские книжные шкафы, кожаный диван-купе — все, как было принято и модно в начале XX в. Выбор определила не только мода: в кабинете И. Н. Ульянова (главы семьи Ульяновых) в Симбирске был похожий набор мебели, а в распоряжении о подготовке квартир для членов правительства рекомендовалось *«брать мебель попроще, например, из «Националя»* (Мальков 1967: 109). Во почему столовые тарелки с царским гербом и аббревиатурой «ИВОбД» (Императорское воспитательное общество благородных девиц), взятые из Смольного, соседствовали с алюминиевой кастрюлей с заплаткой (Книга № 1: №№ 999, 1000). О ней есть в воспоминаниях личного шофера Ильича С. В. Гиля, который в 1918 г. застал расстроенную Марию Ильиничну, посетовавшую, что *«прохудилась одна из немногих кастрюль»* — ее-то Гиль и заклепал (Музейная карточка).

Письменные столы в доме вождя — самые ценные с антикварной точки зрения, относятся к эпохе Наполеона III (Книга № 1: №№ 310, 1632). Одним из них с инкрустацией ценными породами дерева в технике «маркетри» пользовалась Н. К. Крупская, вторым — покрытым черным лаком, с тонкой резьбой и бронзовыми накладками — сотрудники охраны, он стоял в прихожей. То, что за ценным столом сидели охранники, позволяет предположить, что на ценность данных столов, принесенных безымянными помощниками, Н. К. Крупская не обращала внимания, как и на то, за каким столом она сама пишет. Помимо стола, в ее просторной комнате были платяной и книжный шкафы, комод с небольшим зеркалом, тумбочка, письменный и журнальный стол, массивные стулья, кровать с пружинным матрасом, поверх него — еще один, с морской травой (Книга № 1: №№ 318, 327, 330, 498). Среди книг в шкафах — издания по воспитанию, образованию, культуре, воспоминания о Ленине, Третье издание сочинений В. И. Ленина с большим числом закладок в каждом томе, много блокнотов-подарков как делегатке партийных и советских съездов. В ящиках комода — повседневно нужные мелочи: зубные протезы, экспортный вариант ниток «Leningradtextil», металлический нумератор, английская машинка для стрижки волос «KOH-I-NOOR» фирмы «S. Pearson & Co» (Книга № 1: №№ 381, 411, 376, 428), два телефона и радио-наушники с металлической дужкой (хозяйка была не чужда технических новинок) (Книга № 1: №№ 344–346), обломки гребешков, старые пряжки и ремни, разбитые очки, кусочки карандашей. Не ясно, как объяснять наличие такого «бытового мусора» — равнодушием к быту или бережливостью, воспитанной долгими годами ограниченного бюджета. В дальних ящиках шкафа — подарки от разных коллективов, в которых Н. К. Крупской пришлось побывать, вышивки или фотоальбомы об их успехах. Все они убраны с глаз долой. Украшением комнаты служат лишь фотографии в старинных рамках — портрет с матерью накануне отъезда в Шушенское, фотопортреты мужа, на одном надпись — «Лучший портрет Ильича за время болезни (осень 1923 г.) Н. К.», наклеенное на удостоверение ВЦИК фото И. Ф. Арманд, дружбой с которой семья дорожила (Книга № 1: №№ 420, 423, 424).

Простой визуальный анализ перечисленных предметов быта убеждает: представители большевистской элиты тяготели к дворянской модели бытовых практик. Дополнительное доказательство — коробочка орехового дерева, полная иголок, ниток, лент,

кнопок, пуговиц, тесьмы (Книга № 1: №№ 386, 411, 425). Как большинство девочек-дворянок, Н. К. Крупская в детстве была приучена к рукоделию, даже будучи замнаркома просвещения, шила и штопала сама, но наскоро и не очень умело, не аккуратно. Она сама пришивала пуговицы, ставила заплатки, латала дырки на черном шерстяном сарафане, шелковой блузке из крепдешина светло-коричневого цвета с 8 пуговицами и заплатками на рукавах. Видны заплатки не только на одежде, но и на обуви (Книга № 1: №№ 464, 467, 468). Перечисленные предметы одежды Н. К. Крупской поступали в музей как «сильно поношенные» (пantalоны «сильно поношены, с заплатками», «рубашки х/б сильно поношены, с заплатками, разорваны») (Научный Архив: 3–9). Лишь шелковый халат, присланный некоей Верой Кошелевой, Крупская не надела ни разу.

М. И. Ульянова записала, что Крупская привыкала к вещам и носила их до последней возможности: *«Иногда какую-либо часть костюма, привыкнув к ней, Надежда Константиновна носила так долго, что та приобретала совершенно малопримечательный вид. Вставал вопрос о том, чтобы спрятать у нее эту вещь и заменить. Но это было не так-то просто, Надежда Константиновна могла быть недовольна узурпированием ее права носить то, что ей хотелось»* (Ульянова 1991). Попытки «нарядить» ее оканчивались желанием отправить вещи нуждающимся (*«отдавала в числе других вещей на фронт во время сбора их в период гражданской войны»*) (Ульянова 1991).

С точки зрения традиционности семейных ролей в кругу Ульяновых, нет оснований сомневаться в том, что эта традиционность поддерживалась безусловным признанием главенства Ильича: *«В ссылке я вышла замуж за Владимира Ильича, и с тех пор моя жизнь шла следом за его жизнью, я помогала ему в работе чем и как могла»* (Крупская 1957: 27). Из любой точки комнаты Крупской был виден предмет или фотография, книга или вещь, с ним связанная. После смерти мужа Крупская сделала небольшой картонный альбом, который назвала «Ильич», причем на обложке в каждой букве слова «Ильич» — его портрет; этот альбом она всегда носила с собой в портфеле, который ей был подарен мужем в 1920-м г. (Книга № 1: №№ 347, 367).

Комната М. И. Ульяновой выглядит иначе, это одна из самых больших комнат в доме — 34 м². С помощью книжного шкафа и шестистворчатой ширмы кремового цвета, обитой тесьмой, комната делилась на две зоны — зону личного пространства (кровать, платяной шкаф, туалетный столик с большим зеркалом) и зону кабинета-гостиной (диван, кресла, стулья, два письменных стола, книжные шкафы, журнальные столы, сейф) (Книга № 1: №№ 570, 576, 577, 599). Если комната Крупской выглядела полупустой, то комната М. И. Ульяновой была полна безделушек, подарков, картин, фотографий. На подзеркальнике — несколько флаконов от духов «в граненом хрустале», пудреница «Красная Москва», расчески, украшения (Книга № 1: №№ 654, 666, 806, 807, 808, 811), над одним из письменных столов прибита полочка с сувенирами, фарфоровыми статуэтками и элегантным набором канцелярских принадлежностей, печаткой-клише «Мария Ильинична Ульянова» (Книга № 1: №№ 641, 657, 742).

Как ответственный секретарь газеты «Правда», М. И. Ульянова получала массу писем, блокнотов с конференций (Книга № 1: №№ 610, 763, 1394), как сестра Ленина — особые подарки (Книга № 1: №№ 603, 605, 1382), которые и размещала на виду — на стенах, полках, тумбочках, журнальных и письменных столах и на сейфе. Она, очевидно, любила красивые вещи — обтянутый шелком бювар, пресс-папье с инкрустацией, дорогие ручки, стаканы для карандашей, блокноты в кожаных и

металлических футлярах (Книга № 1: №№ 624, 625, 627, 638, 645), даже печатная машинка на одном из столов выглядит элегантно (Книга № 1: № 600). И если о проведении досуга супругой пролетарского вождя исследователю узнать нелегко, то о досуговой деятельности М. И. Ульяновой говорят, прежде всего, ноты. М. А. Ульянова (мать В. И. и М. И. Ульяновых) сама обучила музыке всех своих детей. В переписке члены семьи часто говорят о нотах, которые хотят приобрести, и о концертах, на которых побывали. Нотная библиотека Ульяновых — это 395 нотных тетрадей (Государственный каталог а). Ради М. И. Ульяновой в столовой стоял кабинетный рояль “С.ВЕРХШТЕЙН” (Книга № 1: № 1405), рядом в фанерном коробе и хранилась нотная библиотека. В этой гостиной Мария Ильинична устраивала музыкальные вечера, играла сонаты Бетховена (*Лозгачев-Елизаров* 1957).

Другим увлечением сестры вождя была фотография, М. И. Ульянову увлек в 1922 г. фотокор газеты «Правда» В. Лобода. Лично М. И. Ульяновой принадлежал фотоаппарат «Кодак», негативы, известные фотографии Ленина и его семьи, в том числе «около сосны, на одном из излюбленных мест прогулок Владимира Ильича» (Книга № 1: №№ 676, 688). Она неоднократно снимала брата с товарищами по партии (Сталиным, Каменевым, Пятаковым), пока брат не стал «иногда противиться этому» (*Ульянова* 1991).

Духи, пудреница, расчески на туалетном столике М. И. Ульяновой подтверждают предположение о том, что хозяйка комнаты уделяла внимание внешности. Если у Н. К. Крупской был один портфель, то у М. И. Ульяновой их было пять, плюс две дамских сумки (Книга № 1: №№ 683, 850). В тумбочке несколько расчесок, щетка для волос, эбонитовая плойка, вычесанные волосы она собирала на шиньон (Книга № 1: №№ 913, 1507). Одежда М. И. Ульяновой из шевиота, маркизета модна, аккуратна, хотя тоже носилась долго, на юбке — небольшая аккуратная штопка, ткань шелковой блузки поношена и в затяжках, туфли сильно изношены и тоже залатаны (Книга № 1: №№ 898, 900, 905).

На ряде личных вещей М. И. Ульяновой сохранились метки — буква «У» на простыне, на черных чулках — «М» красными или белыми нитками, 11 пар чулок штопанные и 5 без штопки. Хранила М. И. Ульянова и «спорочи» (распоротые части) платья и жакета, что говорит о бережном отношении ее к вещам. Нитки, булавки, иголки и пуговицы собирались в лаковую шкатулку (Книга № 1: № 956). Украшения сестры вождя хранились ею в сейфе: «серебряная медаль сестры Анны» (Книга № 1: № 910), золотые часы «Павел Буре» с монограммой «М. У.» (Книга № 1: № 906), гранатовые браслет, брошь и медальон, брошь с агатами, серебряные цепочка и серьги (Книга № 1: №№ 907, 908), возможно, не все эти вещи принадлежали лично ей. Скажем, дамские часики фирмы «G.F. Butte» с тремя ключиками для завода, были подарены ее сестре Ольге в 1887 г. в день окончания ею гимназии (*Савинов* 2015).

Если комната Н. К. Крупской выглядела полупустой, то комната М. И. Ульяновой поражает обилием безделушек, которые не являются необходимыми для жизни. При этом, и для Крупской, и для ее золовки Ульяновой комната служила и спальней, и кабинетом. Кроме того, были гостиная и столовая для часов досуга и гостей (РГАС-ПИ). В гостиной висели фотографии — в частности, фото семьи Ульяновых в полном составе (Симбирск, 1879 г.), портрет Александра Ульянова (1883 г.) и портрет М. А. Ульяновой незадолго до ее смерти (Книга № 1: №№ 785, 1449, 1464). В гостиной устраивали музыкальные вечера, на которых М. И. и А. И. Ульяновы играли

в четыре руки (Анна Ильинична переехала к М. И. Ульяновой и Н. К. Крупской в 1931 г. и поселилась в отдельной комнате), приглашали своих коллег, умеющих петь или играть на музыкальных инструментах. «Концерты эти не отличались сложной и утомительной программой. Единственными исполнителями на них были юная певица Сарра Крылова и ее подруга-пианистка, выступавшие с разнообразным репертуаром: романсы, русские и украинские песни» (*Лозгачев-Елизаров* 1957).

Столовая была обставлена женской частью семьи вождя революции так, что мало отличалась от подобных комнат в дворянских усадьбах. В центре ее стоял дубовый стол, стулья с плетеными спинками и сиденьями, в углу — напольные часы в футляре красного дерева. В буфете, кроме чашек и фужеров, хранили спиртовые кофеварки, термосы, цедильник для чая или кофе, полученные в подарок фарфоровые изделия с революционной символикой: подаренная секретаршей Н. К. Крупской на 8 марта 1920 г. чайная пара, с изображениями женщин разных национальностей, декоративные тарелки 1924 г. с портретами Марии Ильиничны и Владимира Ильича (Книга № 1: №№ 551, 552, 946, 952, 1516).

Общий уровень жизни честно описала в свое время Н. К. Крупская: «Нужды, когда не знаешь, на что купить хлеба, мы не знали. Жили просто, это правда. Но разве радость жизни в том, чтобы сытно и роскошно жить?» (*Крупская* 1989: 458). Анализ записной книжки расходов (Книга № 1: № 853), которую вела домработница Ульяновых в 1934 г., позволяет сделать вывод, что меню семьи Ульяновых было достаточно разнообразным. Они получали масло сливочное, сахар, хозяйственное мыло, чай, муку, регулярно покупали сезонные овощи, мясо, рыбу, сметану. В 1934 г. с апреля по июль 6 раз покупали черную икру на общую сумму 32 руб. 94 коп. Один раз упомянуто, что домработница заплатила за обеды по 70 рублей: уже тогда активно использовались готовые обеды из закрытых распределителей (*Слезкин* 2019). При этом с 11 февраля по 31 июля (далее книжка не читается ввиду неграмотности новой домработницы) мясо покупали 12 раз (всегда на одну и ту же сумму — 3 руб. 28 коп.), а рыбу — 14 раз (в основном судак, 2 руб. 25 коп.). Расходы на муку, макароны, гречку, мясо и рыбу приводят к заключению, что и дома домработница готовила. Когда С. Гиль пишет, что М. И. Ульянова умела организовать хозяйство, речь идет об общем руководстве домашними помощницами, а не о ее личной уборке или готовке. Семья Ленина продолжала придерживаться прежнего образа жизни, который был комфортен, без стремления к роскоши и избыточному потреблению. В то же время, за М. И. Ульяновой был тоже закреплен личный кремлевский шофер (ей в 1920-е было под 50) (*Кунецкая, Маштакова* 1979: 198, 242).

Завтракала и ужинала семья на кухне, где было теплее из-за печи, а для обеда собирались в столовой. Время обеда было строго фиксировано, чтобы семья имела возможность побыть вместе: «работать можно в любое время, но обедать надо непременно в один и тот же час!», полагал В. И. Ленин. В 15.45 шофер В. И. Ленина С. Гиль поднимался в кабинет Н. К. Крупской в Наркомпросе и напоминал о времени обеда ровно в 16.00 (*Гиль* 1957: 55). Распределительная система 1920-х гг. не была уравнивающей; члены большевистской элиты получали предметы гигиены и лекарства в Лечсанупре Кремля (Книга № 1: № 853/7), имея своего семейного врача (проф. Ф. А. Гетье). В мемуарах много воспоминаний о том, что ему было поручено следить за тем, чтобы Н. К. Крупская и Ульяновы не переутомлялись (*Гиль* 1957: 56; *Кунецкая, Маштакова* 1979: 198, 242–243).

Большая часть музейной коллекции — это книги и журналы. Из них 11 000 — личная библиотека Ленина, еще 30 000 — библиотека семьи Ульяновых, собранная с 1924 по 1939 гг. Большая часть книг принадлежала Н. К. Крупской, они — о работе Наркомпроса, науке, библиотечном деле, охране памятников, образовании, немало их и по женскому вопросу. В семейной библиотеке 12 000 журналов: «Работница», «Крестьянка», «Работница и крестьянка», «Коммунистка», есть редкие: «Батрачка», «Коммунарка Украины», «Делегатка», «Общественница», «Хлеборобка», «Женский журнал», «Вопросы материнства и младенчества», «Гудок домохозяйкам (Приложение к газете «Гудок»)», «Колхозницы Украины (на укр. яз.)», «Крестьянка в Калязине», «Труженица Северного Кавказа» (Государственный каталог, б).

* * *

В историко-антропологических, повседневноведческих исследованиях самой сложной остается проблема широты распространенности того или иного проанализированного явления. Быт большевистской элиты мало кем изучался, а в послереволюционные годы (в отличие от жизни в эмиграции) никем не сопоставлялся с образом жизни и обыденностью российских горожан в 1920-е гг. В то же время, «предметы бытового обихода всегда обладали знаковым содержанием и потому характеризовали социокультурную принадлежность человека, ими пользовавшегося» (Кнабе 2008). Связь между предметами повседневной жизни и культурной принадлежностью была внеиндивидуальной. Поэтому целесообразно разделить предметы, входящие в коллекцию музея, на институциональные (социокультурная принадлежность человека) и личные (психологическое, человеческое отличие от другого). Для нашего анализа важно иметь в виду, что и Н. К. Крупская, и М. И. Ульянова были выходцами из дворян и получили именно дворянское семейное и гимназическое воспитание (Н. К. Крупская была дворянкой с рождения, М. И. Ульянова — с 1886 г.). Таковыми были почти все лидеры большевиков, многие имели гимназическое образование, некоторые продолжали его в университетах. Образ жизни идейных вождей формировался в детстве, поэтому не удивительно, что многие представители партэлиты, став в 1920–1930-е гг. номенклатурными работниками, не сильно скорректировали бытовые привычки.

На примере семьи лидера партии можно наблюдать типичное для образованного дворянства стремление иметь в квартире собственную комнату-кабинет (иногда она же и спальня), желание предоставить личные комнаты каждому члену семьи, иметь пространство для библиотеки, гостиной/столовой, отдельную комнату домработницы. Несмотря на многочисленные публикации Н. К. Крупской о новом быте, сама она вместе с золовками стремилась к тем же формам досуга, которые были приняты в ее детстве и юности (музыка, чтение, рукоделие). Очевидно, что заложенные в детстве навыки бережного отношения к вещам (умения их залатать, сделать пригодными для длительного использования) не вступали в противоречие с новыми обстоятельствами жизни. Многие ли представительницы женской части большевистской элиты (та же А. М. Коллонтай, С. Н. Смидович) резко отказались от типичной для своей юности комфортности повседневных обыденных практик?

Членов семьи Ульяновых трудно упрекнуть в демонстративном потреблении: в коллекции нет дорогой мебели, утвари или одежды, а золотые часы в сейфе — скорее всего, подарок к окончанию гимназии. Но количество и качество вещей говорят

о высоком социальном статусе семьи, поддерживаемом советским распределителем. Основную работу по дому выполняли не сами члены семьи лидера партии, а домработницы, чтобы остальные занимались только интеллектуальным трудом. У семьи было несколько персональных шоферов, семейный врач, что говорит о тяготении этих представителей большевистской элиты к дворянской модели организации быта.

Что касается непохожести комнат и набора личных вещей жены и сестры вождя, то она имела скорее личностные, а не институциональные основы. Аскетизм комнаты Крупской был обусловлен не экономическими, а психологическими причинами. А внутренняя потребность в милых вещичках, типичная для М. И. Ульяновой — особенность ее личности, большей связанности с прошлым, его дериват. Убираемые Н. К. Крупской с глаз долой подарки — свидетельство ее равнодушного отношения к быту; напротив, подчеркнуто выставленные напоказ вещи М. И. Ульяновой характеризуют их хозяйку как уделяющую немалое внимание внешней стороне жизни.

Введение в научный оборот вещей из музейных собраний и отражающих реалии жизни отдельного человека или семьи открыла возможность исследователям, «в большинстве случаев работающим с письменными источниками, соприкоснуться с овеществленной исторической действительностью» (*Измозик, Лебина 2010*). Сравнивая быт представительниц большевистской элиты с официально заявлявшимся курсом на коммунистический быт, хочется, перефразировав слова самого Ленина, сказать, что «быт оказался сильнее» лидеров партии (*Ленин 1974: 208*). «Повседневные практики никогда не выступают в форме доктрин социального изменения», и «любые нововведения политического и экономического характера воспринимаются людьми как враждебные, как покушение на устоявшееся, если затрагивают повседневность» (*Кобозева 2006: 4*). Проанализировав круг вещей, которыми пользовались представительницы большевистской элиты — бездетные «матери революции» А. И. Ульянова, М. И. Ульянова, Н. К. Крупская, столь рьяно поддерживавшие перестройку старого быта, — мы заключили, что женщины из ближнего круга вождя революции, вольно или невольно, но пытались сохранить черты своей прежней женской повседневности, ставшие привычными и связывавшие их с кругом близких времен их детства и юности.

Источники и материалы

Ленин 1974 — Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М.: Изд-во политической литературы, 1974. Т. 5. 740 с.

БРЭ — Большая российская энциклопедия. <https://bigenc.ru/education/text/2236403> (дата обращения 02.10.2022).

Воспоминания о В. И. Ленине 1979 — Воспоминания о В. И. Ленине. Воспоминания родных. М.: Изд-во политической литературы, 1979. Т. 1. 646 с.

Гиль 1957 — *Гиль С. К.* Шесть лет с Лениным. М.: Молодая гвардия, 1957. 103 с.

Государственный каталог а — Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=Нотное%20издание&museumIds=2660&imageExists=null> (дата обращения 01.12.2022) (а)

Государственный каталог б — Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=Журнал&museumIds=2660&imageExists=null> (дата обращения 01.12.2022) (б)

Книга № 1 — Книга поступлений № 1. Музей «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле». 31 мая 1962 г. 284 с.

Книга № 2 — Книга поступлений № 2. Музей «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле». 31 мая 1962 г. 229 с.

- Крупская* 1989 — *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М.: Изд-во политической литературы, 1989. 494 с.
- Крупская* 1957 — *Крупская Н. К.* Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АПН, 1957. Т. 1. 510 с.
- Кунецкая* 1978 — *Кунецкая Л. И.* Нотная библиотека семьи Ульяновых. М.: Советский композитор, 1978. 85 с.
- Кунецкая, Маштакова* 1986 — *Кунецкая Л. И., Маштакова К. А.* В Кремле жил и работал Ленин. М.: Московский рабочий, 1986. 284 с.
- Кунецкая, Маштакова* 1987 — *Кунецкая Л. И., Маштакова К. А.* Встреча с Лениным. М.: Советская Россия, 1987. 298 с.
- Кунецкая, Маштакова* 1973 — *Кунецкая Л. И., Маштакова К. А.* Крупская. М.: Молодая гвардия, 1973. 366 с.
- Кунецкая, Маштакова* 1979 — *Кунецкая Л. И., Маштакова К. А.* Мария Ульянова. М.: Молодая гвардия, 1979. 315 с.
- Ленин* 1976 — *Ленин В. И.* Доклад о новой экономической политике // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1976. Т. 44. 697 с.
- Лозгачев-Елизаров* 1957 — *Лозгачев-Елизаров Г. Я.* Незабываемое. Саратовское книжное издательство, 1957 (1959). 236 с.
- Мальков* 1967 — *Мальков П. Д.* Записки коменданта Кремля. М.: Молодая гвардия, 1967. 264 с.
- Музейная карточка — Музейная карточка № 1111. Музей «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле». Б.г.
- НАММК — Научный Архив Музеев московского Кремля. Фонд 20. Ед. хр. 31.
- Обичкин* 1988 — *Обичкин Г. Д.* (ред.). Надежда Константиновна Крупская: Биография. М.: Политиздат, 1988. 302 с.
- РГАСПИ — Российский государственный архив политической истории. Ф. 393. Оп. 1. Д. 273.
- Савинов* — *Савинов А. М.* Экспонаты симбирского периода жизни семьи Ульяновых // Музей-заповедник «Горки Ленинские». Наука и публикации [Электронный ресурс]. Б.г. <http://mgorki.ru/science/eksponaty-simbirskogo-perioda-zhizni-semi-ulyanovykh-v-kollektsii-muzeya-kabinet-i-kvartira-v-i-leni/> (дата обращения 01.11.2022).
- Ульянова* 1991 — *Ульянова М. И.* О Владимире Ильиче // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 5–8.

Научная литература

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 335 с. https://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/05/Berger_Lukman_-_Sotcialnoe_konstruirovanie_realnosti_skepdic.ru
- Гурова О. Ю.* Идеология в вещах: социокультурный анализ нижнего белья в России: 1917–1980-е гг. Диссертация... к.к.н. М.: РГГУ, 2004. <https://www.dissercat.com/content/ideologiya-v-veshchakh-sotsiokulturnyi-analiz-nizhnego-belya-v-rossii-1917-1980-e-gg>
- Журавлев С. В.* «Маленькие люди» и «большая история». М.: РОССПЭН, 2000. 351 с.
- Измозик В. С., Лебина Н. Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. СПб.: Крига, 2010. 233 с. https://library.by/portalus/modules/building/readme.php?subaction=showfull&id=1617195287&archive=&start_from=&ucat=&
- Клоц А. Р.* Домашняя прислуга как социальный феномен эпохи сталинизма. Автореферат диссертации... к.и.н. Пермь, 2012. 28 с.
- Кнабе Г. С.* Диалектика повседневности. М.: Изд-во «Вопросы философии», 2008. 23 с. https://imwerden.de/pdf/knabe_dialektika_povsednevnosti.pdf
- Кобозева А. В.* Культурно-антропологический анализ повседневной жизни Москвы: социальные эксперименты первого послереволюционного десятилетия. Диссертация... к.и.н. М.: Гос. ун-т управления, 2006. 242 с.
- Лебина Н. Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: НЛЮ, 2018. 482 с.

- Минаков С. Т., Фефелов С. В. Большевизм и советская власть в общественно-бытовом мнении 1918–1920-х гг. // Уч. записки Орловского Гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (51). С. 103–107.
- Мохов В. П. Повседневность советской номенклатуры // Исторические, философские, политические и юридические науки. 2013. Том 37. Вып. 11 (1). С. 125–126.
- Пушкарева Н. Л. История повседневности и история частной жизни: соотношение понятий // Социальная история. М.: РОССПЭН, 2005. С. 93–113.
- Слезкин Ю. Л. Дом правительства. М.: АСТ, 2019. 969 с. <https://knigogo.net/chitat-online/dom-pravitelstva-saga-o-russkoj-revoljutsii/>
- Смирнова Т. М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества: 1917–1936 гг. Диссертация. к. и. н. М.: ИРИ РАН, 2009.

References

- Berger, P. and T. Luckmann. 1995. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti* [The Social Construction of Reality]. Moscow: Medium. 335 p. https://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/05/Berger_Lukman_Sotsialnoe_konstruirovanie_realnosti_skepdic.ru
- Gurova, O. Yu. 2004. *Ideologiya v veshchakh: sotsiokul'turnyi analiz nizhnego bel'ia v Rossii: 1917–1980-e gg.* [Ideology in Things: Sociocultural Analysis of Underwear in Russia: 1917–1980s.] Ph.D. diss., Russian State University for Humanities. <https://www.dissercat.com/content/ideologiya-v-veshchakh-sotsiokulturnyi-analiz-nizhnego-belya-v-rossii-1917-1980-e-gg>
- Izmozik, V. S. and N. B. Lebina. 2010. *Peterburg sovetskii: «novyi chelovek» v starom prostranstve* [Peterburg the Soviet: „New Man“ in the Old Space]. Saint Petersburg: Kriga. 233 p. https://library.by/portal/modules/building/readme.php?subaction=showfull&id=1617195287&archive=&start_from=&ucat=&
- Klots, A. R. 2012. *Domashniaia prisluga kak sotsial'nyi fenomen epokhi stalinizma* [Domestic Servants as a Social Phenomenon of the Stalinist Era]. Ph.D. diss. Abstract, Perm State National Research University.
- Knabe, G. S. 2008. *Dialektika povsednevnosti* [Dialectics of Everyday Life]. Moscow: Publishing House „Questions of Philosophy“. 23 p. https://imwerden.de/pdf/knabe_dialektika_povsednevnosti.pdf
- Kobozeva, A. V. 2006. *Kul'turno-antropologicheskii analiz povsednevnoi zhizni Moskvy: sotsial'nye eksperimenty pervogo poslerevoljutsionnogo desiatiletiia* [Cultural-Anthropological Analysis of Everyday Life in Moscow: Social Experiments in the First Post-Revolutionary Decade]. Ph.D. diss., The State University of Management.
- Lebina, N. B. 2018. *Sovetskaia povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilii* [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From War Communism to Grand Style]. Moscow: NLO. 482 p.
- Minakov, S. T. and S.V. Fefelov. 2013. Bol'shevizm i sovetskaia vlast' v obshchestvenno-bytovom mnenii 1918–1920-h gg. [Bolshevism and Soviet Power in Public Opinion in the 1918–1920s.]. *Uchenye zapiski Orlovskogo Gosudarstvennogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki* 1(51): 103–107.
- Mokhov, V. P. 2013. Povsednevnost' sovetskoj nomenklatury [Daily Routine of Soviet High-Ranking Functionaries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki* 37(11(1)): 125–126.
- Pushkareva, N. L. 2005. Istoriia povsednevnosti i istoriia chastnoi zhizni: sootnoshenie poniatii [The History of Everyday Life and the History of Private Life: the Relationship Between Concepts]. In *Sotsial'naiia istoriia* [Social History]. Moscow: ROSSPEN. 93–113.
- Slezkin, Yu. L. 2019. *Dom pravitel'stva* [The House of the Government]. Moscow: AST. 969 p. <https://knigogo.net/chitat-online/dom-pravitelstva-saga-o-russkoj-revoljutsii/>
- Smirnova, T. M. 2009. «Byvschie liudi» v sotsial'noi strukture i povsednevnoi zhizni sovetskogo obshchestva: 1917–1936 gg. [„Former People“ in the Social Structure and Daily Life of Soviet Society: 1917–1936]. Ph.D. diss., The RAS Institute of Russian History.
- Zhuravlev, S. V. 2000. «Malen'kie liudi» i «bol'shaia istoriia» [„Little People“ and „Big Story“]. Moscow: ROSSPEN. 351 p.